

УДК 316.334(091)

ЕКАТЕРИНА БАТАЕВА,

доктор философских наук, профессор кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета “Народная украинская академия”

Проблема церковно-государственных отношений в социологии религии М.Драгоманова

Аннотация

В статье проанализированы основные тезисы социологии религии украинского мыслителя М.Драгоманова (1841–1895), сосредоточенной на исследовании различных социокультурных последствий нарушения баланса во взаимоотношениях между церковью и государством, в частности подчинения церкви государству. Рассмотрены основные аргументы М.Драгоманова, обосновывающие тезис об опасности социально-культурных эффектов смещения церковной и государственной властей, которое может привести к религиозной нетерпимости, нарушению принципа свободы совести, росту внутренней и внешней (микро- и макро-) конфликтной напряженности между представителями разных религий, репрессиям в отношении инаковерующих и их массовой эмиграции, ослаблению влияния церкви в обществе, использованию государством символического капитала церкви в своих интересах, отторжению свободомыслящих людей от церкви и латентной атеизации населения. Сделан вывод, что отделение церкви от государства способствует установлению межрелигиозной толерантности и взаимопониманию в обществе.

Ключевые слова: *церковь, государство, социология религии, религиозная нетерпимость, религиозные репрессии, свобода совести*

В мировой социологии к числу концепций, которые имели непреходящее значение и оказали серьезное влияние на развитие социологической теории, относятся идеи, представленные в “Протестантской этике и духе капитализма” (1905) и “Протестантских сектах и духе капитализма” (1906)

М. Вебера (1864–1920), в “Элементарных формах религиозной жизни” (1912) Э. Дюркгейма (1858–1917), в “Проблемах религии в современном обществе” (1963) Т. Лукмана (род. в 1927 г.), в “Священном покрове: элементах социологической теории религии” П. Бергера (род. в 1929 г.). Но, к сожалению, мало кому в мировом социологическом сообществе известна концепция украинского теоретика М. Драгоманова (1841–1895), в которой анализируются различные социокультурные последствия нарушения баланса во взаимоотношениях между церковью и государством, что приводит к подчинению церкви государству. Несмотря на то что основные идеи этой концепции были изложены М. Драгомановым в историко-публицистическом произведении “Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI–XVII вв.” (1875), в содержательном отношении его вполне можно отнести к социологическому исследовательскому жанру, поскольку в нем не просто были описаны и проинтерпретированы некоторые факты из истории взаимоотношений церкви и государства, но и выявлены определенные закономерности, которые с высокой степенью вероятности могут быть воспроизведены в различных социокультурных контекстах. По глубине анализа и масштабности выводов эту концепцию вполне можно было бы признать одной из самых выдающихся теорий, созданных в мировой социологии религии.

Проблема взаимоотношений между церковью и государством, по мнению некоторых западных теоретиков, должна быть включена в перечень наиболее актуальных тем современной социологии религии [Scherer, 1969: p. 209]. Тем не менее, лишь относительно недавно — во второй половине XX века — на нее обратили внимание западные исследователи, тогда как М. Драгоманов еще в XIX веке пытался найти оптимальную формулу этих взаимоотношений. Кроме того, исследования данной проблемы в западной социологии, как правило, носят описательный характер; их целью является не выявление определенных закономерностей в развитии взаимоотношений между церковью и государством, а воссоздание различных моделей этих взаимоотношений — от модели “партнерства” до модели “взаимного соподчинения” [Madeley, 2000; Fox, 2008; Fox, 2009; Barbalet, 2011; Religion and the State, 2011; Ulker, 2013], а также проведение сравнительного анализа различных исторических форм этих моделей. Но, как уже было сказано, в работах М. Драгоманова можно обнаружить более сложную аналитику, нацеленную на выявление определенных зависимостей между сопутствующими явлениями социальной жизни.

В украинской мысли анализ религиозных воззрений М. Драгоманова был представлен в учебнике “Социологическая мысль в Украине”, в котором были проанализированы некоторые идеи М. Драгоманова, изложенные в работе “Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI–XVII вв.”. Авторы учебника провели определенные параллели между идеями, представленными в этой работе М. Драгоманова и “Духовным регламентом” Ф. Прокоповича, в котором был обоснован тезис о необходимости подчинения церкви государству [Соціологічна думка в Україні, 1996: с. 246]. В то же время авторы учебника недостаточно внимания уделили анализу социальных следствий реформирования взаимоотношений между церковью и государством, что для М. Драгоманова представляло значительный интерес. В статье Л. Кондратика, посвященной становлению социологии религии в Украине, было упомянуто, что “значительным является вклад М. Драгоманова

ва в решение проблемы “религия — личность — свобода”, в исследование принципов взаимоотношений между религией, церковью и государством” [Кондратик, 2009: с. 59], однако не были проанализированы содержательные аспекты этого “вклада”. В данной статье будет представлен анализ содержания концепции церковно-государственных взаимоотношений М. Драгоманова с акцентом на описании социальных эффектов, возникающих в результате проведения радикальных реформ в этой сфере. Обращение к мысли М. Драгоманова особенно важно в современных социокультурных условиях, когда тема церковно-государственных отношений вновь проблематизируется и подается в полярных трактовках — от утверждений о необходимости установления “партнерских” отношений между церковью и государством, предполагающих создание “единой поместной православной церкви” [Саган, 2014], до обоснований важности сохранения конституционного принципа “отделения Церкви от государства и школы от церкви”, исключающего возможность вмешательства государства в дела церкви [Боголеп, 2014].

Историко-культурный и социальный контекст концептуализации М. Драгомановым церковно-государственных отношений

М. Драгоманов в работе “Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI–XVII вв.” представил анализ ситуации в Западной Европе в эпоху Реформации, когда максимально обострились противоречия между церковной и государственной ветвями власти. Но можно предположить, что, описывая западноевропейское общество, М. Драгоманов косвенно анализировал ситуацию в царской России, о которой в силу существования политической цензуры не мог говорить прямо¹. После 1721 года в результате реформы Петра I в Российской империи был нарушен баланс во взаимоотношениях церкви и государства, что привело к ряду катастрофических последствий для общества, напомиравших те социальные эффекты, которые возникли в реформационной Европе после аналогичных реформ. Поэтому прежде чем описать основные тезисы социологии религии М. Драгоманова, необходимо проанализировать особенности церковно-государственных отношений в Российской империи (в учебнике “Социологическая мысль в Украине” также можно обнаружить акцентирование параллелизма между этими историко-культурными ситуациями [Соціологічна думка в Україні, 1996: с. 246]). Подобный экскурс становится полезным в связи с необходимостью фактологического обоснования основных тезисов социологии религии М. Драгоманова.

Итак, в 1721 году по приказу Петра I была проведена реформа церковно-государственных отношений, результатом которой стало упразднение патриаршества и соборности правления (только на Всероссийском поместном соборе в 1917-м в Москве была восстановлена каноническая форма правления в православной церкви, и после двухсотлетнего перерыва был избран Патриарх Тихон). Высшим органом управления церковью становится

¹ Это предположение косвенно подтверждается следующим высказыванием М. Драгоманова, которое можно обнаружить в работе “Из истории отношений между церковью и государством в Западной Европе”: “... как ни своеобразна государственная и церковная жизнь нашей страны, но и у нас много фактов и вопросов внутренней жизни затрагивают общеевропейский вопрос о церкви и государстве” [Драгоманов, 1876: ч. 1, с. 2].

ся Духовная коллегия (или Святейший правительственный синод), который в 1824 году был переименован в “ведомство Православного исповедания”; члены его назначались государем, а не избирались самой церковью и, соответственно, подчинялись государю и его представителю (светскому лицу, “стряпчему о делах государственных”, — Обер-прокурору): “... се же наипаче сильно есть, когда Коллегиум правительское под Державным Монархом есть и от Монарха уставлено. Яве бо zde, что Коллегиум не есть некая факция, тайным на интерес свой союзом ложившаяся, но на добро общее повелением Самодержца, и Его ж с прочими рассмотрением собранныя лица” [Духовный регламент, 1721]. В результате петровской реформы церковь была подчинена государству и лишилась независимости правления. К каким следствиям привели подобные изменения в церковно-государственных взаимоотношениях?

Во-первых, под давлением государственных органов духовенство было вынуждено заниматься доносительством, осуществляя контроль за устроениями и “благонадежностью” прихожан. Как следствие, интеллигенция и наиболее свободолобивые представители общества покинули церковь, разочаровавшись в таком духовенстве, “с его малой духовностью, с обскурантизмом, с отсутствием всякой реализации христианства в жизни” [Бердяев, 1990: с. 41].

Во-вторых, вынужденная бюрократизация церковного правления повлекла за собой качественное ухудшение во всех сферах церковной жизни. Как свидетельствовал русский философ В. Соловьев, “явное бессилие духовной власти, отсутствие у нее общепризнанного нравственного авторитета и общественного значения, безмолвное подчинение ее светским властям, отчуждение духовенства от остального народа и в самом духовенстве раздвоение между черным, начальствующим, и белым, подчиненным, деспотизм высшего над низшим, вызывающий в этом последнем скрытое недоброжелательство и глухой протест, религиозное невежество и беспомощность православного народа, дающие простор бесчисленным сектантам, равнодушие или же вражда к христианству в образованном обществе — вот всем известное современное положение русской церкви” [Соловьев, 1992].

В-третьих, ухудшился качественный состав духовенства и епископата, поскольку епископами и членами Святейшего синода могли стать только удобные государю люди; те же, кто осмеливался отстаивать интересы церкви вопреки воле государя, лишались сана или отправлялись в самые глухие и бедные приходы. Ухудшение качественного состава священства также обуславливалось следующими факторами: а) утверждение сословности духовенства (в Духовном регламенте), вследствие чего сыновья священников обязаны были становиться священниками и учиться в семинариях, а не в университетах. Как следствие, пастырями часто становились не по призванию, а по сословному обыкновению, по инерции или, как свидетельствует Г. Флоровский, “по нужде, по принуждению, от страха, без вдохновения, но со скрытой горечью, часто и без веры” [Флоровский, 1991: с. 480]; б) низкий уровень духовного образования; государю представлялось опасным иметь высокообразованных, просвещенных священнослужителей, которые бы руководствовались нуждами церкви, а не государства; поэтому образовательные программы в семинариях были максимально упрощены. Это способствовало снижению общего культурного уровня православной церкви, что, в

свою очередь, по свидетельству Г.Флоровского, “ослабляло ее духовную и историческую влияние” [Флоровский, 1991: с. 451].

Итак, подчинение церкви государству в результате реформы 1721 года повлекло за собой снижение авторитета церкви в обществе, что косвенно подготовило гонения на церковь после 1917-го; если бы влияние церкви на общество не было подорвано, вряд ли православные христиане, которые составляли подавляющее большинство россиян до революции 1917 года, позволили бы утвердиться коммунистически-атеистическому правлению (“ведь атеизм является неотъемлемой сущностью, источником энергии и целеполагания коммунистической идеологии, а не случайным или временным привнесением” [Аксючич, 1991: с. 216]).

Имея в виду социальный контекст взаимоотношений между церковью и государством в дореволюционной Российской империи, рассмотрим основные положения социологии религии М.Драгоманова.

Концепция социально-политических последствий подчинения церкви государству

В работе “Из истории отношений между церковью и государством в Западной Европе” М.Драгоманов рассмотрел различные формы взаимодействия церкви и государства и предложил следующую их классификацию: “а) господство Церкви над государством; б) покровительство государства Церкви; в) господство государства над Церковью и д) полное разделение власти Церкви и государства” [Драгоманов, 1876: ч.1, с. 4]. При этом М.Драгоманов замечал, что в реальной истории третья и вторая из перечисленных форм чаще всего “незаметно сливались между собой, так что характеристических видов отношений между Церковью и государством можно считать собственно три” [Драгоманов, 1876: ч.1, с. 5]. Указанные три формы взаимоотношений церкви и государства исторически доминировали в разные социокультурные эпохи. Первая форма была характерна для средних веков; вторая форма (объединяющая позиции (в) и (д) в приведенной классификации) доминировала с III по XI и с XVI по XVIII век; к третьей форме (в классификации — четвертой), по выражению М.Драгоманова, “стремится новейшее время с XVIII в.” [Драгоманов, 1876: ч.1, с. 5]. Анализ взаимоотношений между церковью и государством, начиная с I века и заканчивая поздним средневековьем, был представлен в работе М.Драгоманова “Из истории отношений между церковью и государством в Западной Европе” [Драгоманов, 1876: ч.1–2], которая в большей степени имела исторический характер. В работе “Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI–XVII вв.” М.Драгоманов проанализировал ситуацию подчинения церкви государству, которая сложилась в Европе в эпоху реформации: “... с XVI в. не только в протестантских, но и в католических странах стала явно брать перевес та система отношений между церковью и государством, которая может быть названа господством государства над церковью” [Драгоманов, 1991]. Анализу именно этой (второй) формы М.Драгоманов уделил особое внимание, поскольку, по его мнению, даже в XVIII веке в западноевропейских странах (в том числе и в Российской империи) она сохраняла доминантные позиции, обуславливая негативные изменения в социальной

системе [Драгоманов, 1876: ч. 1, с. 5]¹. Поскольку же именно в книге “Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI–XVII вв.” был представлен социологический анализ результатов подчинения церкви государству, в дальнейшем будем рассматривать основные тезисы именно этой работы М. Драгоманова.

Концептуальная позиция М. Драгоманова по вопросу взаимоотношений церкви и государства вполне прозрачно была сформулирована в следующем тезисе: “правление политическое должно заниматься чем угодно, только не Евангелием. Следует остерегаться смешивать власть церкви и государства. Многие неудачно смешивали власть епископов и власть светскую, и из этого смешения выходили великие войны, возмущения, волнения”. Рассмотрим основные аргументы М. Драгоманова, обосновывающие тезис о социально-культурной опасности смешения церковной и государственной властей.

Во-первых, “идея подчинения церкви государству ... поработала личную нравственную жизнь людей политикам, особенно если она осуществлялась не столько в подчинении церкви государству, сколько государям. В европейской религиозной политике XVI в. выработалась формула: “какой веры государь, такой должны быть и подданные”, что, конечно, обуславливало религиозные смуты и нетерпимость, которая должна была продолжаться до тех пор, пока интересы религии явным образом не стали в глазах государей на второй план в сравнении с интересами политики, да и тогда религия становилась орудием политики, что, в свою очередь, не могло быть полезно ни для мира внутреннего, ни для внешнего” [Драгоманов, 1991]. В данном тезисе представлены сразу несколько позиций критики подчинения церкви государству.

1. Сама идея свободы совести оказывается под вопросом в ситуации, когда государство берет на себя право и обязанность курировать жизнь церкви, поддерживая конкретное вероисповедание. Учитывая фактор базового конформизма подавляющего большинства в любом сообществе, можно предположить, что многие люди будут выбирать патронируемую государством церковь, не руководствуясь внутренними убеждениями, а под давлением прагматического желания “быть одобренным, быть принятым” в конкретном обществе. Приверженность “официальной” (то есть признанной государством) вере будет автоматически и бессознательно восприниматься многими субъектами как гарантия собственной безопасности, а с другой — как форма выражения лояльности властям. Без сомнения, подобный рациональный расчет и поиск банальной выгоды не будет способствовать искренности веры человека, или, вернее, поставит ее под вопрос.

2. Покровительство со стороны государства конкретной церкви и религии может породить “религиозные смуты и нетерпимость” по отношению к другим вероисповеданиям и церквям, не обладающих привилегией “высшего патроната”. Исторически всегда происходило именно так: у представителей “государственной религии” возникало искушение доказать и в действиях продемонстрировать свою большую “истинность”, правильность, закон-

¹ “Даже в наше время государству мало еще стала естественной идея свободы в делах совести” [Драгоманов, 1876: ч. 1, с. 6].

ность, что автоматически предполагало желание стигматизировать остальные “непривилегированные” вероисповедания как незаконные, неправильные и, как следствие, не имеющие права на существование. В подобной обстановке естественным образом развивалась религиозная нетерпимость и стремление подавить или вытеснить другие религии и церкви за пределы государственных границ конкретного общества.

3. Описанные следствия “не могли быть полезными ни для мира внутреннего, ни для внешнего”, отмечает Драгоманов. Вполне очевидно, что внутригосударственные притеснения “непокровительствуемых” религий могут способствовать ухудшению отношений с теми государствами, в которых эти религии и церкви являются почитаемыми и занимают высокие статусные позиции, и порождать конфликтные ситуации на макроуровне.

Во-вторых, М. Драгоманов указывает на *самое* негативное следствие подчинения церкви государству, которое может иметь катастрофические последствия для общества, способствуя установлению режима тоталитарных репрессий и преследования инакомыслящих, и, что характерно как для Западной Европы, так и для любой другой страны, где нарушен баланс во взаимоотношениях между церковью и государством, — религиозные преследования [Драгоманов, 1991]. Ситуация репрессий/подавления иноверующих отличается от простой нетолерантности тем, что всегда проявляется на акциональном уровне, в реальных действиях насилия или угнетения по отношению к представителям других религий (тогда как нетолерантность может проявляться на идейном/идеологическом уровне, не всегда предполагая акции агрессии). Следствием религиозных преследований может стать состояние массовой фрустрации преследуемых/угнетаемых, что может проявиться во встречных действиях неприятия/осуждения представителей государственной религии. Если государство на законодательном уровне устанавливает патронат над конкретной церковью, то, по мнению М. Драгоманова, это не смягчает, а только усиливает репрессии, поскольку государство будет воспринимать свои действия как благородную миссию по защите *своей* церкви от посягательств извне, что будет придавать священный характер любому насилию. Когда государственные деятели “стали считать себя главами не только в светских, но и в церковных делах, это не только не ослабляло религиозных гонений, но еще усиливало их, потому что светские главы церкви считали себя в особенности обязанными покровительствовать ей” [Драгоманов, 1991].

В-третьих, по мнению М. Драгоманова, опасным следствием подчинения религии государству может стать распространение массового мнения, что “религиозные разделения опасны именно для государства; что религиозное единство есть необходимое условие единства политического и даже что новые секты еще больше угрожают государству, чем церкви” [Драгоманов, 1991]. Как следствие, вполне реальным может стать публичный призыв к объединению вероисповеданий под эгидой одной (самой правильной) церкви, что, без сомнения, не будет поддержано представителями “менее правильных” церквей и только обострит взаимное неприятие и ненависть. Именно это произошло в Западной Европе в XVI веке: например, в 1567 году французские власти провозгласили, что “так как по божественному провидению существует только одно солнце и один король в нашем королевстве, то подобно тому должна быть и одна религия” [Драгоманов, 1991].

Стремление установить во Франции единоверие в качестве условия политического единства страны имело своим результатом Варфоломеевскую ночь, массовую резню гугенотов в ночь на 24 августа 1572 года, когда погибло около 30 тысяч человек. Следствием установления подобного дисбаланса в религиозных взаимоотношениях в конкретном государстве может стать встречная (и содержательно аналогичная) реакция со стороны неподдерживаемых государством религий, исторический пример чему опять же дает Франция: "... во Франции в городах, которые находились в руках гугенотов, они запрещали служение католической обедни, воспрещали своим единоверцам присутствовать на свадьбе и похоронах, совершаемых католическим духовенством" [Драгоманов, 1991]; таким образом осуществлялось встречное движение нетерпимости и враждебности по отношению к католикам, которые репрессировали гугенотов в других областях Франции.

В-четвертых, следствием подчинения церкви государству может стать массовая эмиграция прихожан и священнослужителей непатронируемых церковей — либо вследствие прямых репрессий со стороны государства, либо под влиянием морально дискомфортных условий проживания в нетолерантной социальной обстановке. Как утверждает М. Драгоманов, "в XVII в. протестантское исповедание не было воспрещено формально, но зато было воспрещено всякое богослужение и религиозное собрание протестантов; проповедники должны были выселиться из Франции. Но, кроме них, эмиграция была воспрещена всем гугенотам. Несмотря на то, во время этих преследований выселилось в разные страны 600 000 богатого и трудолюбивого протестантского населения" [Драгоманов, 1991].

В-пятых, подчинение церкви государству означает неизбежное ослабление влияния церкви в обществе, поскольку в коллективном сознании церковь, воссоединившаяся с государством, будет восприниматься как беспомощная, как неспособная самостоятельно и свободно, без внешней поддержки решать внутренние вопросы (именно это произошло в царской России после петровской реформы). В то же время государственная церковь сама будет терпеть нравственный ущерб, поскольку воссоединение с государством противоречит христианской заповеди "отдавайте Богу Божие, а кесарю — кесарево" — церковь должна принадлежать Богу, а не кесарю (не государству). "Церковь, стремясь сохранить свое единство, то есть преобладание над разноверцами, не силою нравственной, а с помощью внешней силы государства, оскудевала в нравственных силах и должна была поступиться перед правителями своими нравственными правами или, по крайней мере, терпеть вторжения правительства в эти права. А как вдобавок духовенство старалось о сохранении и своих экономических привилегий, то тем более должно было унижаться перед государственною властью. Всеми этими и другими подобными причинами обусловливается большой нравственный упадок церкви, как католической, так и протестантской к XVIII веку" [Драгоманов, 1991].

В-шестых, у любого государства, которое покровительствует и материально/политически поддерживает определенную церковь, с высокой степенью вероятности может возникнуть искушение воспользоваться церковными ресурсами, эксплуатировать символический капитал церкви в качестве "платы" за патронаж. Со временем государство может начать воспринимать церковь как "свое" орудие, как "свою" собственность, которая обязана "отра-

ботать” полученные от государства бонусы. Согласно М. Драгоманову, “унижение церкви не ограничивалось раболепством перед государями; правительство, урезывая прежние привилегии и права ее, затрагивало и неотъемлемые права церкви, вмешиваясь в церковную жизнь самым произвольным образом. Известное внешнее епископство государей парламенты истолковывали так, что государь может вмешаться во всякую публичную сторону жизни церкви; а так как вся церковная жизнь, говорили парламенты, публична, то государю подведомо всякое отправление церковной жизни. При такой доктрине церковь теряет всякую нравственную свободу” [Драгоманов, 1991].

В-седьмых, как продемонстрировал М. Драгоманов, партнерство церкви и государства может возыметь своим эффектом отторжение свободомыслящих людей от церкви и, еще радикальнее, латентную атеизацию населения как реакцию на утрату свободы той институцией, которая по заповедям обязана быть свободной (“к свободе призваны вы”). Этот эффект можно было наблюдать и в имперской России, и в Западной Европе в XVIII и XIX веках, когда появилась массовая партия вольнодумцев, “вольтерянцев”, полагавших, что государство должно способствовать борьбе с религиозными предрассудками (“... по понятиям этих новых политиков и философов, сила государства должна быть направлена не на освобождение всех вероисповеданий, ... а на их уничтожение” [Драгоманов, 1991]), а также когда возник массовый феномен “обрядоверия” прихожан, проявляющийся в формальном участии в богослужениях при внутренней слабости веры. Как полагает М. Драгоманов, “в XVIII веке люди, склонявшиеся к рационализму, желали еще предоставления государству и даже государям права религиозной регламентации, надеясь с помощью их разбить в религии населения то, что они называли предрассудками. Кроме того, озлобляемые доносами духовенства, которое говорило, что религия есть опора трона, а потому философы, враги религии, подкапываются под троны, философы старались показать, что истинные враги государства — духовные” [Драгоманов, 1991].

Выводы

В новейшей истории Украины существовали такие критические ситуации, когда создавались проекты подчинения церкви государству с благородной целью “поддержки и оказания ей помощи”. В разных контекстах речь шла о разных церквях. К примеру, в проекте конституции ОУН, автором которой являлся Н. Сциборский, речь шла о необходимости поддержки со стороны государства двух “национальных церквей” — Украинской православной автокефальной церкви и Украинской греко-католической (униатской) церкви (Р. II, арт. 3), которые “охраняются” украинским государством (в статье 2 раздела II была предложена формулировка: “українська держава стоїть на становищі охорони Церкви та обопільної співпраці”) [Сциборський, 1939].

В 2005 году после прихода к власти В. Ющенко представители Украинской автокефальной православной церкви рекомендовали президенту ввести патронат над церковью с целью поддержки двух “действительно украинских церквей” (УАПЦ и УПЦ КП) (см.: [Нардеп-священник, 2005]). В 2011-м Митрополит Полтавский и Миргородский Филипп (председатель Отдела религиозного образования, катехизации и миссионерства при Свя-

щенном синоде УПЦ МП) призвал новоизбранный парламент не использовать в новой Конституции “большевистскую норму об отделении Церкви от государства и Церкви от школы; признать Православие культуuroобразующей религией; очертить предмет соработничества Церкви и государства, особенно в образовательной сфере; предусмотреть в законодательстве страны механизмы совместной работы Церкви, государства и школы” [Филипп, 2012]. В каждом из этих случаев был заявлен один и тот же концептуальный принцип правильности и оптимальности для церкви (причем для самых разных ее исторических разновидностей) близкого сотрудничества с государством, которое граничит с подчинением церкви государству. Можно указать и на совершенно другие документы, в которых отстаивалась идея о необходимости сохранения в Конституции Украины статьи 35 (“об отделении церкви от государства”) как абсолютно точно воспроизводящей на юридическом языке христианскую заповедь “отдавайте Богу Божие, а кесарю — кесарево”. Эта идея проводится, к примеру, в воззвании 2014 года Епископа Александрийского и Светловодского Боголепа (Валерия Гончаренко) “Уравнение: “Единое государство — Единая церковь” противоречит Конституции нашей страны” [Боголеп, 2014]. Как можно заметить, именно такое понимание сути взаимоотношений между церковью и государством было представлено и обосновано в работах М. Драгоманова.

М. Драгоманов показал, что отделение церкви от государства способствует установлению межрелигиозной толерантности и взаимопониманию в обществе: “... именно политика терпимости и отделения церкви от государства имеет свойство смягчать религиозные разделения и устанавливает мало-помалу связь между членами одного государства, хотя бы разных религий” [Драгоманов, 1991]. Задачей государства при этом должна стать защита прав и свобод всех религий и всех церквей, действующих на территории конкретной страны. “Права, какие имеет в этом случае государство, ограничиваются правом наказывать преступные фактические проявления опасных и вредных доктрин, а в особенности отнятие у религиозных установлений всяких привилегий и поддержки и предоставления равной с ними свободы” [Драгоманов, 1991]. И только в этом случае (при подобной политике государства) возможность религиозных гонений и конфронтаций будет сведена к минимуму.

В том случае, если церковь будет подчинена государству, если будет выделено какое-то вероисповедание в качестве “национального” и, соответственно, привилегированного, то это, по мнению М. Драгоманова, повлечет за собой негативные изменения в функционировании социальной системы в целом, которые проявятся в любом социокультурном и историческом контексте.

Источники

Аксюциц В. Атеистическая идеология. Государство. Церковь / В. Аксюциц // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси : сборник. — М. : Столица, 1991. — С. 213–233.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма / Бердяев Н. — М. : Наука, 1990. — 224 с.

Боголеп, Епископ Александрийский и Светловодский (Валерий Гончаренко). Уравнение: “Единое государство — Единая церковь” противоречит Конституции нашей страны [Электронный ресурс] / Боголеп // Светловодск : интернет-издание. — 2014. — Режим доступа : http://espresso.tv/blogs/2014/08/26/uvagvenye_edynoe_hosudarstvo.

Драгоманов М. Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] / М. Драгоманов // Драгоманов М. Вибране. — К., 1991. — Режим доступа : <http://litopys.org.ua/drag/drag.htm>.

Драгоманов М.П. Из истории отношений между церковью и государством в Западной Европе / М.П. Драгоманов // Знание. — 1876. — № 8. — С. 1–63.

Драгоманов М. П. Из истории отношений между церковью и государством в Западной Европе / М.П. Драгоманов // Знание. — 1876. — № 11. — С. 1–38.

Духовный регламент 1721 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.krotov.info/acts/18/1/1721regl.html>.

Кондратик Л. Становлення соціології релігії в Україні / Л. Кондратик // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — 2009. — Вип. 15. — С. 58–63.

Нардеп-священник Бойко предложил Ющенко проверить украинские церкви с помощью СБУ [Электронный ресурс] // ОБКОМ. — 2005. — Режим доступа : <http://obkom.net.ua/news/2005-06-07/0712.shtml>.

Саган А. Старые вызовы для нового Президента [Электронный ресурс] / А. Саган // День. — 2014. — Режим доступа : <http://m.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/gosudarstvo-i-cerkov>.

Соловьев В. О духовной власти в России [Электронный ресурс] // Собрание сочинений : в 15 т. — Репринт. изд. — М. : ПАЙМС, 1992. — Т. 3. — С. 227–242. — Режим доступа : <http://mirosvet.narod.ru/sol/odv.htm>.

Соціологічна думка в Україні : навч. посіб. / М.В. Захарченко [та ін.] ; Міжнар. фонд “Відродження”. — К. : Заповіт, 1996. — 424 с.

Сціборський М. Нарис проекту основних законів (конституції) Української Держави [Електронний ресурс] / М. Сціборський. — 1939. — Режим доступу : <http://constituanta.blogspot.com/2012/04/1939.html>.

Филлип, Митрополит Полтавский и Миргородский. Государство и Церковь в Украине: вопросы без ответов [Электронный ресурс] / Филипп // Сайт Полтавской епархии Православной Церкви. — 2012. — Режим доступа : <http://religions.unian.net/orthodoxy/726264-gosudarstvo-i-tserkov-v-ukraine-voprosyi-bez-otvetov-mitropolit-filipp-osadchenko.html>.

Флоровский Г. Пути русского богословия / Флоровский Г. — К. : Путь к истине, 1991. — 599 с.

Religion and the State: A Comparative Sociology / [ed. by Jack Barbalet, Adam Possamai and Bryan S. Turner]. — L. : Anthem Press, 2011.

Fox J. A World Survey of Religion and the State / J. Fox. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — 234 p.

Fox J. Quantifying Religion and State: Round Two of the Religion and State Project / J. Fox // Politics and Religion. — 2009. — № 2. — P. 444–452.

Scherer J. A sociological perspective on religion / J. Scherer // The Way. — 1969. — Vol. 9, № 3. — P. 208–214.

Madeley J. Towards an inclusive typology of church-state relations in Europe, North and South, East and West: a Rokkanian approach / J. Madeley // Church and State in Europe: The Chimera of Neutrality / European Consortium for Political Research Joint Workshop Sessions. — Copenhagen, Denmark, 2000. — 14th–19th April.

Ulker O. Religion and Politics In A Sociological Perspective: A Comparison Between the USA and France / O. Ulker // International Journal of Social Inquiry. — 2013. — Vol. 6, № 2. — P. 73–94.